

УДК 343.81

ВЛИЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ НА РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УРАЛА В 1935–1940 гг. АТЛЯНСКАЯ КОЛОНИЯ

Евсеев Иван Валентинович¹,

канд. юрид. наук,
e-mail: iiiiiv@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматривается период образования и функционирования одного из исправительных учреждений – Атлянской трудовой колонии, начиная с его организации и заканчивая реорганизацией. На основе представленных в хронологическом порядке нормативных актов и впервые введенных в научный оборот архивных материалов формулируется вывод о том, что Атлянская трудовая колония для несовершеннолетних с момента учреждения в 1935 г. и до 1940 г. являлась местом перевоспитания и обучения воспитанников. Можно констатировать, что в первой половине 30-х гг. XX в. в отдельных учреждениях при активном содействии сотрудников, работающих в трудовых колониях, внедрялся дифференцированный подход к воспитанию. Весьма значимым и эффективным средством исправления подростков-правонарушителей стал патронаж (наставничество) со стороны мастеров – специалистов, которые передавали детям свой опыт. Приводятся положительные наработки отдельных трудовых колоний в деле перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в 1935–1940 гг.

Ключевые слова: постановление, исправительно-трудовые учреждения, трудовая колония, воспитанники, несовершеннолетние, воспитательный процесс

THE INFLUENCE OF REGULATIONS ON THE DEVELOPMENT OF LABOR INSTITUTIONS IN THE URALS IN 1935–1940. ATLYAN PENAL COLONY

Evseyev I.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,
e-mail: iiiiiv@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

This article examines the period of forming and functioning of such correctional institution, as Atlyan labor colony, from the moment of organization to the moment of reorganization. Based on the normative acts presented in chronological order and archival materials launched into scientific circulation for the first time, the author comes to the conclusion that the Atlyan labor colony for minors, since its establishment in 1935 and until 1940, was a place for re-education and training of pupils. It can be stated that in the first half of the 1930s, in certain institutions, with the active assistance of employees working in labor colonies, a differentiated approach to education was introduced. A very significant and effective means of correcting teenage delinquents was patronage (mentoring) from masters – specialists who captivated children with their skills. Thus, the author points to the positive achievements of individual labor colonies in the re-education of juvenile offenders in the early 1930–1940s.

Keywords: resolution, correctional labor institutions, labor colony, pupils, minors, educational process

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-36-41

Развитие человеческого общества, как процесса, происходит поступательно и бурно: что-то возникает или учреждается, а что-то исчезает или преобразуется. В определенных исторических масштабах данный процесс почти незаметен относительно отдельных сфер общественных отношений или систем, что, в свою очередь, оказывает влияние на всю систему. Так, реформирование системы исполнения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних проходит для всей системы почти незаметно. Реформаторы и законодатели апробируют новые виды учреждений и экспериментируют с нормами права в деле организации режима и воспитательной работы¹, иногда не обращаясь к историческим истокам. История же в этом случае может выступать как кладезь исторического опыта и исторических результатов.

Опыт, накопленный обществом в истории уголовно-исполнительной системы, может быть поучительным и рациональным в плане применения. Опыт всегда оказывает свое влияние на формирование и развитие каждого учреждения, а если он касается развития самого учреждения исполнения наказания, то он интересен с позиции использования региональных приемов и методов воспитания в конкретном регионе России. Главным является то, чтобы этот исторический опыт был правдивым и поучительным.

Известный историк И.Д. Ковальченко [1, с. 86–96] подчеркивал значимость исторических знаний. Исследователь рассматривал знание как часть общественно-научной мысли. В своих работах он указывал, что «внимание и соотнесение выводов историка с проблемами современности» [2] есть правильный путь развития в отношении какого-либо учреждения. Это можно отнести и к известной колонии для несовершеннолетних Южного Урала, располагающейся в п. Атлян. На Южном Урале все слышали об указанном месте, однако на вопросы о том, что это за учреждение, какова его история, не смогли ответить даже бывшие сотрудники колонии.

В статье на основе исторического анализа архивных материалов, предоставленных учреждениями Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ГУФСИН) по Челябинской области, мы попытаемся выделить положительные исторические моменты в истории Атлянской трудовой колонии для несовершеннолетних в 1935–1940 гг.

По приведенной теме даже в учреждениях регионального ГУФСИН очень мало материалов [3], в силу чего архивные документы, представленные в работе, помогут восстановить исторические проблемы, ознакомить читателей с работой учреждения в 1935–1940 гг., положительным опытом, который имелся в нем.

В первую очередь, для понимания исторических процессов, происходящих в СССР в 1930–1940 гг., необходимо отметить, что советская власть формировала свою исправительно-трудовую систему на историческом фундаменте, который ей достался в наследство от Российской империи. После Гражданской войны и в период первых пятилеток советская власть вновь обратилась к опыту главного тюремного управления империи. Так, образовался Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений отделов мест заключения и трудовых поселений Управления народного комиссариата внутренних дел по Челябинской области (далее – Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений ОЗ и ТП УНКВД по Челябинской области).

Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений ОЗ и ТП УНКВД по Челябинской области охватывал учреждения, располагающиеся на тех же площадках, пунктах и тюремных помещениях, оставшихся от царского прошлого в городах и поселках Южного Урала, таких как Златоуст, Сатка, Миасс, Бакал [4; 5]. В перечисленных поселках и городах размещались промышленные объекты, на которых использовался труд сидельцев. Из-за нехватки рабочих рук в XIX в. управление Златоустовским горным округом заключило с Главным тюремным губернским управлением контракты на привлечение осужденных к работам на заводах и рудниках горного округа. В местах будущих работ – на заводах и рудниках – создавались тюремные командировки, а в 1920–1930 гг. – лагпункт или исправительно-трудовая колония Принудкуста [6].

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон: [от 11 июня 2022 г. № 170-ФЗ]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419059 (дата обращения: 21.10.2023). – Текст: электронный.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. перед страной встал вопрос о формировании детских исправительных учреждений, чему способствовало резкое увеличение преступности со стороны несовершеннолетних граждан. Значимость вопроса подтверждается тем фактом, что вопрос организации учреждений изоляции несовершеннолетних правонарушителей рассматривался на уровне Совета народных комиссаров (далее – СНК) и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (далее – ЦК ВКП(б)).

Так, согласно Постановлению Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК) и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»² несовершеннолетние осужденные должны были содержаться в специальных учреждениях. В п. «В» постановления указывалось, что «к несовершеннолетним в возрасте 14–16 лет применять принудительные работы в случаях нецелесообразности применения других мер и при том, если исполнение этих работ специально организовано в учреждениях».

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в специальном разделе «Об улучшении состояния детских домов и трудовых колоний»³ установило два основных вида детских учреждений исполнения наказания. Такими учреждениями признавались колонии для воспитания и исправления, детские дома. В документе указывалось следующее: «Обязать Наркомфин Союза ССР установить такой порядок финансирования детских домов и трудколоний, при котором было бы обеспечено содержание в детских домах по установленным нормам фактически имеющегося в них числа детей. Освободить все хозяйственные операции детских домов, трудовых колоний и приемников от обложения всеми видами налогов»⁴.

С изменением законодательства в 30-х гг. XX в. в СССР исправительно-трудовая система в русле государственной установки – «исправления трудом» – повсеместно организовывала трудовые колонии для несовершеннолетних. В Челябинской области в соответствии с законом были организованы три исправительно-трудовые колонии на базе бывших подразделений пинудкустов ОМЗ и ТП УНКВД по Челябинской области в Копейске, Миассе и Атяне. Для таких учреждений Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД) СССР впервые в своих отчетах, начиная с 1934 г., определил лимит наполняемости спецконтингентом из осужденных несовершеннолетних. Таким образом, к концу того же года лимит составлял 9573 человека. В дальнейшем он оставался на уровне 10–12 тыс. человек, что было явно недостаточно. Отметим, что перед войной в системе исправительно-трудовых учреждений работало 50 колоний для несовершеннолетних [7].

28 ноября 1935 г. специальным приказом № 216 начальника управления НКВД СССР по Челябинской области на базе бывшего пункта размещения трудпоселенцев была открыта воспитательно-трудовая колония открытого вида в п. Атян. В приказе указывалось, что колония имеет предельную численность спецконтингента в размере 600 воспитанников, на что стоит обратить внимание. Анализ фотодокументов из Атянской колонии указывает на то, что специального режима для воспитанников не было, в отличие от лиц, содержащихся в исправительно-трудовых колониях. Воспитанием и управлением занимались штат из восьми человек гражданского персонала и около 200 трудпереселенцев в зависимости от года учета. Первым начальником учреждения назначили В.Д. Шагилова, который являлся учителем, а не представителем НКВД. Он принимал будущих воспитанников по 50 человек в день из разных учреждений, включая тюрьмы. С момента организации и до конца 1935 г. в учреждение прибыли 457 воспитанников. В самом учреждении оставались еще 195 человек из числа трудпереселенцев и 8 сотрудников колонии⁵.

Воспитанники размещались в шести бараках, а трудпоселенцы по-прежнему проживали в своих землянках. Режимных зон между спецконтингентом не было. Трудпоселенцы и воспитанники до

² О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление Центральной избирательной комиссии и Совета народных комиссаров СССР: [от 7 апреля 1935 г. № 3/598] // Собрание законодательства СССР. – 1935. – № 19.

³ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление Центральной избирательной комиссии и Совета народных комиссаров СССР: [от 7 апреля 1935 г.] // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9401. – Оп. 12. – Д. 103. – Л. 35.

⁴ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

⁵ Там же.

1939 г. могли общаться друг с другом как на производстве, так и в самой колонии. Трудпоселенцы по-прежнему вновь прибывшим воспитанникам обустроивались на новом месте и по возможности передавали свой опыт по изготовлению ножей и столярных изделий. Следует обратить внимание на тот факт, что за три года ни один воспитанник не воспользовался ножом для противоправной деятельности. Это являлось своего рода показателем воспитательной работы со стороны как сотрудников, так и трудпоселенцев. Несовершеннолетние воспитанники поступали в колонию со всей страны. В числе прибывших были подростки, поддерживающие воровские порядки, но до 1940 г. они были в меньшинстве и редко себя проявляли, т.к. численный перевес был на стороне сотрудников колонии, к которым можно в этом плане отнести и трудпоселенцев. Это были взрослые люди, не знающие воровских понятий и правил. Они относились к воспитанникам как к своим детям, а заблудшим подросткам по-отцовски могли указать на их поведение.

Ключевой проволокой, сторожевых вышек и режимных зон в трудовой колонии изначально не было. Охрану объекта и меры по предотвращению побегов осуществляли сотрудник колонии и уполномоченные лица из числа трудпоселенцев.

Лишь в 1939 г. появились режимные зоны. Сотрудники НКВД составили основную массу сотрудников администрации трудовой колонии, а начальником учреждения стал лейтенант госбезопасности А.П. Булыкин. Это указывает на постепенное ужесточение режима и переход от перевоспитания к организации режима отбывания наказания. В документе об организации колонии указано, что на момент основания колонии на ее территории находилось шесть каркасных бараков для спецконтингента, три многоквартирных дома для служащих и несколько десятков землянок от бывших раскулаченных специального трудпоселения ОМЗ и ТП УНКВД по Челябинской области⁶.

К основным занятиям трудпоселенцев относились переработка древесины, заготовленной в местном лесничестве, сельское хозяйство, гончарное производство, изготовление черенков для лопат и метел для металлургических заводов и т.д. Все производство основывалось на ручном труде. Механизмы не применялись из-за отсутствия электроэнергии.

С первых дней трудовая колония менялась: взрослые и воспитанники сообща обустроивали быт, строили жилые помещения, столовую, клуб, школу, совместно работали на полях и производственных площадках. Сотрудники и трудпоселенцы не делали различия между своими детьми и воспитанниками. Все это строилось с учетом меняющегося контингента. К примеру, на 1936 г. воспитанников было 457, а в 1939 г. – всего 344 человека из числа спецконтингента.

Еще к одному положительному моменту в деятельности трудовой колонии следует отнести школьное обучение. На начало учебного процесса, если верить отчетам, посещаемость составляла 72 % от общего списочного состава, успеваемость – 63 %, прогулы без уважительной причины – 14 %, а не аттестованными являлись 83 воспитанника. Из числа воспитанников 46 остались на повторное обучение. В 1938–1939 гг. охват обучения в школе составил 100 % списочного состава, успеваемость – 98,7 %, прогулы без уважительной причины – 0,35 %, отличниками стали 54 человека, на повторное обучение не было оставлено ни одного воспитанника.

За четыре года все преобразилось. Были построены четыре двухэтажных здания – общежития для воспитанников, шесть двухэтажных, четыре одноэтажных восьмиквартирных домика для служащих и 64 жилых частных дома для жителей из числа оставленных трудпоселением для помощи. Были построены школа с мастерскими на производстве столярных изделий и обработки железа, больница-стационар и клуб с киноустановкой, своя электростанция, слесарная мастерская, здание управления колонией.

Все перечисленное указывает на тот факт, что спецконтингент из числа несовершеннолетних, спецпоселенцы-наставники и служащие учреждения работали как единая семья. Дети служащих колонии учились и работали наравне с воспитанниками. Личным примером сотрудники учреждения показывали воспитанникам, как нужно трудиться, а трудпоселенцы передавали свой опыт по столярному делу и изготовлению армейских ножей. Воспитанники, замечая это, стремились не подводить на-

⁶ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

ставников и воспитателей. Это прослеживается по отчету о работе Атлянской трудовой колонии ОТП УНКВД по Челябинской области за 1935–1939 гг.⁷ Представители отрицательного спецконтингента, поддерживающие «вороские» традиции, в такой обстановке и с учетом численного меньшинства не могли существенно повлиять на работу колонии.

В 1940 г. в порядке выполнения Приказа НКВД от 10 сентября 1939 г. № 609 в п. 1 указывалось: «Реорганизовать Витебскую, Томскую..., Атлянскую и Саратовскую трудовые колонии для несовершеннолетних в колонии закрытого типа с особым режимом для контингента»⁸. О самоуправлении в них уже не говорилось, а число сотрудников, положительно влияющих на воспитанников, снизилось в разы.

Всего через трудовые колонии с середины 1935 г. до начала 1940 г. прошли 155 506 подростков в возрасте 12–18 лет (из них 68 927 – осужденные, 86 579 – не имеющие судимости) [8].

Соответственно, можно констатировать, что в первой половине 30-х гг. XX в. в отдельных учреждениях на практике активно внедрялся дифференцированный подход к воспитанию при активном содействии сотрудников, работающих в трудовых колониях. Весьма значимым и эффективным средством исправления подростков-правонарушителей стал патронат (наставничество) со стороны мастеров – специалистов, которые передавали детям навыки и секреты профессии.

В трудовой колонии несовершеннолетние воспитанники приобретали рабочую профессию, старшие им оказывали поддержку, содействие, являлись, как мы уже говорили, для них наставниками, что, в свою очередь, обеспечивало трудовую занятость и подготовку к жизни в обществе, способствовало сокращению подростковой преступности.

Необходимо отметить, что положительные наработки отдельных трудовых колоний в деле перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в начале 40-х гг. XX в. отодвинулись на второй план. Воспитание уступило место производственным показателям, а положительный опыт был забыт. Произошло ужесточение исправительно-трудовой политики, а также усиление карательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных в условиях изоляции.

Список литературы

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 2003. – 486 с.
2. Михеенков Е.Г. Историко-правовые аспекты отбывания лишения свободы несовершеннолетними преступниками в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1935–1945 гг.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-otbyvaniya-lisheniya-svobody-nesovershennoletnimi-prestupnikami-v-predvoennyu-period-i-v-gody-velikoy-otечественной-voyny> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.
3. Сычев Г.П. Страницы истории Атлянской воспитательной колонии в документах, воспоминаниях, фотографиях, публикациях. – Атлян, 2020. – 508 с.
4. Евсеев И.В., Служкин С.В. Организация специализированных учреждений исполнения уголовного наказания при заводах горного правления Урала для политических преступников // Право и общество. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
5. Обзор Уфимского губернского тюремного инспектора мест заключения Уфимской губернии ... / [Губ. тюрем. инспектор Кашнев]. – Уфа: Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1899. – 56 с.
6. Евсеев И.В. Контингент уголовно-исправительной системы южного Урала в 1920–1950-е гг. (политико-правовые аспекты) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 58–65.
7. Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. – 1973. – № 16. – С. 70–72.
8. Белова Н.А. История пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в СССР в 30-е гг. XX в. – Текст: электронный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. –

⁷ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

⁸ Приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР: [от 10 сентября 1939 г. № 609] // Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-2223. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 319.

2018. – № 7. – С. 13–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-v-sssr-v-30-e-gody-xx-veka/viewer> (дата обращения: 14.09.2023).

References

1. *Koval'chenko I.D.* Metody istoricheskogo issledovaniya. – 2-e izd., dop. – Moskva: Nauka, 2003. – 486 s.
2. *Miheenkov E.G.* Istoriko-pravovye aspekty otbyvaniya lisheniya svobody nesovershennoletnimi prestupnikami v predvoennyj period i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1935–1945 gg.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-otbyvaniya-lisheniya-svobody-nesovershennoletnimi-prestupnikami-v-predvoennyj-period-i-v-gody-velikoy> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.
3. *Sychev G.P.* Stranicy istorii Atlyanskoj vospitatel'noj kolonii v dokumentah, vospominaniyah, fotografiyah, publikacijah. – Atlyan, 2020. – 508 s.
4. *Evseev I.V., Slukin S.V.* Organizaciya specializirovannyh uchrezhdenij ispolneniya ugovnogo nakazaniya pri zavodah gornogo pravleniya Urala dlya politicheskikh prestupnikov // Pravo i obshchestvo. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
5. Obzor Ufimskogo gubernskogo tyuremnogo inspektora mest zaklyucheniya Ufimskoj gubernii ... / [Gub. tyurem. inspektor Kashnev]. – Ufa: Parovaya tipo-lit. A.P. Zajkova, 1899. – 56 s.
6. *Evseev I.V.* Kontingent ugovno-ispravitel'noj sistemy yuzhnogo Urala v 1920–1950-e gg. (politiko-pravovye aspekty) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 12. – С. 58–65.
7. *Kudimov A.F.* Istoricheskaya spravka o sozdanii i organizacii penitentsiarnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej // Trudy Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta MVD SSSR. – 1973. – № 16. – С. 70–72.
8. *Belova N.A.* Istoriya penitentsiarnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v SSSR v 30-e gg. XX v. – Текст: электронный // Vedomosti ugovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2018. – № 7. – С. 13–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-v-sssr-v-30-e-gody-xx-veka/viewer> (дата обращения: 14.09.2023).